

Т. Ф. Куприянова
(г. Санкт-Петербург)

**ЛЕКСИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ
ПОНЯТИЙ «Я» — «ДРУГОЙ» В ТЕКСТЕ
ЭПОПЕИ И. С. ШМЕЛЕВА «СОЛНЦЕ МЕРТВЫХ»**

Один из аспектов общекультурной ситуации современного мира связывают с определением того пространства, в котором происходят глобальные сдвиги в современном сознании. Это **пространство языка**, в котором возможна встреча и столкновение совершенно несоизмеримых познавательных феноменов*1 Стремлению постичь целостность литературного процесса в его взаимодействии с языком способствует и возвратившаяся в Россию литература Русского Зарубежья. В эмиграции русский язык стал объединяющим, надыдеологическим началом, национальной субстанцией, в которой отразились все грани интеллектуального творчества эмиграции. Обостренное чувство слова, его оттенков привели к тому, что некоторым из них эмигрантская литература придала в изгнании новый, выстраданный смысл. Литература Русского Зарубежья начала, таким образом, тот процесс, который к концу XX века получил определение как прорыв «из парадигмы замкнутости», когда язык стал пониматься не как инструмент для обслуживания мысли, но как смыслодержательный организм.

Тот факт, что вскоре после опубликования «Солнце мертвых» было переведено на 13 языков, объясняется тем, что в национальных образах, увиденных и отображенных писателем, раскрывается «художественная глубина», благодаря которой достигается «сверхнациональная» значимость и приобретает «многонациональное» признание*2 Художественное пространство представляет собой модель мира автора. Оно может быть природным и бытовым, открытым, беспредельным и закрытым. Оно может быть «неподвижным», статичным, а также полным разнохарактерного и разнонаправленного движения. Художественное пространство «Солнца мертвых» пронизано диалогом повествователя со всем его окружающим. Диалогизм повествования, открытость сознания воплощены во взаимодействии «Я» и «ТЫ».

Одна из идей современной философской антропологии определяет бытие как диалог между Богом и человеком, человеком и миром. Исходной в таком диалоге становится тема «Я» и «ТЫ», когда проблема человеческого существования углубляется за счет вживания в мир ДРУГОГО. Постигание себя и мира заключается в том, чтобы в про-

цессе этого постижения соотносить себя с ДРУГИМ. Таким образом формулируется идея абсолютной равнозначности «Я» и «ТЫ», которая позволила по-новому расставить акценты в субъектно-объектных отношениях в процессе познания вещи, объекта, чужого мира. Автором этой идеи является философ Мартин Бубер.

М. Бубер утверждает, что мир для человека двойственен. Двойственность выражается двумя парами основных слов: «Я-ТЫ» и «Я-ОНО». Произносящий «ТЫ» не имеет никакого нечего в качестве объекта, потому что «ТЫ» безгранично и составляет целый мир. Другая пара основного слова — «Я»-«ОНО», в которой «Я» утрачивает жизненную полноту и встает перед вещами, нёощущая их исключительности, чувства мирового единства, которое можно найти только в отношениях. Говоря «Я-ОНО», можно познать только суммы свойств, можно узнать структуру, приобрести знание. При отношениях познания мир безличен, он не откликается, не соучаствует*³.

Лингвисты утверждают, что третье лицо есть не-лицо. Это только форма глагольной флексии. Оно может принимать любой субъект или не принимать никакого субъекта, и этот субъект, выраженный или невыраженный, не представляется никогда как лицо. Лицо свойственно только позициям «Я»-«ТЫ»*⁴.

Об уникальности «ТЫ» и типичности «ОНО» говорят и исследования, пытающиеся понять взгляд на мир древних жителей Египта и Месопотамии, самых цивилизованных людей своего времени. И эти исследования говорят о важности переживания и отношениях, связанных с восприятием человеком другого человека или события. От этого зависело существование древних людей. Эти переживания и отношения впоследствии легли в основу мифов. «ТЫ» пришло в миф из мира, который не был неодушевленным, но который изобилует жизнью. Жизнь проявлялась в человеке, в животном, в растении, в ударе грома, в засухе и в ливне. С подобным древний человек сталкивался как с «ТЫ», которое проявляло свою личность и свои качества, переживалось как жизнь, встретившаяся с другой жизнью. Объект же, «ОНО», можно отнести к другим объектам. «ОНО» может стать частью группы, ряда. «ОНО» — объект, и объекты управляются универсальными законами, поэтому поведение объекта предсказуемо. А «ТЫ» — уникально. «ТЫ» имеет беспримерный и непредсказуемый характер личности, присутствия. «Более того, «ТЫ» не только созерцаемо, но эмоционально переживаемо в динамическом двустороннем отношении»*⁵.

Через вхождение в отношения, постепенно персонифицируясь, не актуализовавшийся как личность, не оформившийся индивид раскрывает свою душу. Первичным в процессе персонификации является не восприятие объекта, а стремление к отношению. Вначале — отношение, как категория бытия, как модель души. Существо, в котором начинает действовать дух, тоскует по космической связи со своим истинным «Ты», о котором человек знал уже во чреве матери. Переживаемые отношения — это реализация врожденного «Ты» во встреченном «Ты». Это стремление к единству всего человечества в природе, тому изначальному состоянию, когда в единстве со всем живым люди были счастливы и за измену которому «человечество должно платить искуплением»*6

В пространстве текста эпопеи «Солнце мертвых» автор нередко декларирует запреты думать, обращенные повествователем к самому себе. Эти запреты остались таковыми только на уровне интенций. В этих запретах дихотомия: субъект-объект проявляет себя в повествователе особенно наглядно: мысля, как субъект, повествователь формулировал запрет, выполнение которого предписывалось ему же, но уже в обстоятельствах и значениях объекта. Однако в разворачиваемом повествовании автор аннулировал эту дихотомичность, реализуясь как полноправный субъект, равный сам себе в постоянном осуществлении в рамках повествования именно того процесса, запрещение которого он /как осознаваемый в себе самом объект своего субъектного начала/ декларировал так часто: не надо думать.

Постоянные «погружения» повествователя в самого себя полны непрекращающегося обдумывания, обсуждения с самим собой всех проявлений внешнего мира. В этом мире продолжают существование не только такие же, как сам повествователь «субъектно-объектные» персонажи, «субъективность» которых пытается из последних сил удерживать себя от того воздействия, которое на каждый из них, как на «объект», оказывает идущее сквозь них ВРЕМЯ их проживания. Продолжают существование и ощущающие себя «субъектами» и действующие как «субъекты» «те, что убивать ходят», лишённые рефлексий и смятений, существующие только на уровне воздействия.

Для автора «Солнца мертвых» судьба создала пространство, углубившее рожденные писателем образы. Пространство полуострова Крым, открытое небу, омываемое морем; предоставившее себя степным просторам, овеваемым то сухими благоуханным, то пронизывающе ледяными ветрами; пространство, покрывшее себя камнем гор и прорезавшее свое тело сухими морщинами балок и лощин, прячущих

и скрывающих и корчащегося от горя, и творящего зло — это пространство природой и мирозданием будто было создано для того, чтобы служить декорацией для трагедии.

Этому географическому пространству равнозначно по открытости другое пространство эпопеи — пространство души и мысли повествователя. Там находит отражение пространство внешнего мира, не удваиваясь, а умножаясь в нем, помещая в себя каждого находящегося в этом внешнем пространстве субъекта. Этот каждый субъект в сознании повествователя не трансформируется как нечто отдельное от познающего и осмысляющего сознания. Он совмещается с его, повествователя, пространством и становится частью пространства его души и сознания. Поэтому адресат размышлений повествователя — не «объект», не «ОНО», а уникальное «ТЫ». С опорой на экстралингвистические реалии в «Солнце мертвых» выделена группа лексики, выражающая оппозицию «Я-ТЫ»-«ОНИ», ставящая вопрос о соотношении и противостоянии людей в мире и людей с миром, актуальная во всем тексте эпопеи.

В эксплицитном «ТЫ» речи повествователя то имплицитное «ТЫ», которое прежде чем сказать, УЗНАЛ повествователь в кипарисе и погибающем коне, кричащем от голода павлине и одинокой, разбитой дачке, в кровельщике и дубовом пне. Во многих диалогах адресат повествователя — «ТЫ». Это «ТЫ» не прямого диалога. Это «ТЫ» авторского сознания. Автор открывает «ТЫ» в разрушенном домике и в дающем плоды орехе, в умершем уже Рыбаке и в симменталке Тамарке. В «Солнце мертвых» «ТЫ» — форма универсальной субъективности. И прощание с умирающей курочкой — это прощание с частью живого в своем «Я», от которого уходит его часть, это то «ТЫ», к которому тянулось твое «ТЫ» из природного единства:

«Я беру ее на руки/.../Ну, посмотри на солнце... ты его любила/.../ А там вон — горы, синие какие стали!/.../А это, синее такое, большое? Это — море/.../ Ну покажи свои глазки/.../ Я пошепчу тебе, скажу тебе тихо-тихо: солнце мое живое, прощай! А сколько теперь больших, которые знали солнце, и кто *уходит* во тьме!.. Ни шепота, ни ласки родной руки...»

В этом фрагменте «Я-ТЫ» — слово-повествователя такое, какие говорят с ребенком. Так успокаивают от слез. И это лексика и синтаксис последнего прощаний.

Соединяющее повествователя и корову-симменталку «и» уравнивает человека и животное на уровне эмоционального переживания в динамической двусторонности:

«Что, Тамарка? И ты, бедняга, попала в петлю...

И я не могу понять, Тамарка...»

«Я-ТЫ» — слово-повествователь говорит всему, что должно было жить рядом с ним и его семьей. Все, что окружало тогда еще полного надежд повествователя, было не так уж и значительно: глициния на веранде, черный дрозд на верхушке старого миндаля, розовые кусты шиповника. Все это было живым, переживаемым, охваченным чувством, единым «Я-ТЫ»: у белого домика были зеленые ставеньки-уши; павлин к вечеру укладывался спать, как и хозяева после ужина; а горы отвечали на безмолвный вопрос человека. И каждое дерево слышало в тот давний первый вечер от человека СВОЕ слово, сказанное человеком ЕМУ — персику, старому миндалю. А старый дуб был встречен, как ожидаемый друг:

«Ты долго будешь расти, долго-долго. Увидишь старого человека, меня-другого...»

И старый дубовый пенёк был обласкан взглядом и обнят, и вынут на свет Божий: «радуйся и ты с нами, будем работать вместе»^{*7}. Все было предметом контакта, ласки, объятия, зоркого взгляда. Ко всем и ко всему было чувство, и все отвечало чувством. И в этом отношении все открывало свою сущность, которая «властно, обнимая собой все свойства»^{*8} открывалась повествователю в «ТЫ» всего, кто был и что было рядом. Выраженное в данном фрагменте единство человека с окружающим относится к эпопейности сознания повествователя. Значимость «Солнца мертвых» выражена в подчиненности этому единству. И поэтому когда рушится мир, он рушится везде и во всем.

Элементы «Я-ТЫ»-языка в тексте эпопеи обращают к проблемам разработки своего философского языка философской литературой первой волны русской эмиграции, когда был раскрыт сверхприродный смысл слова, обнажилась духовная сокровенность обыденного, отражая в слове сверхчувственное начало. Интерес к философским аспектам языка вызвал необходимость рассмотреть такой «парадоксальный» грамматический класс слов, как местоимения, способные выразить невыразимое в слове-идее, передавать мистический жест, онтологическое... касание»^{*9}. Таким образом, философское знание вторгалось «в осмысление и интерпретацию семантики дейктических слов». Одновременно с этим отмечались «распределенность и противопоставленность категории «Я» и «МЫ» /.../: «Я» — центр и носитель соединения. «ОН» — загадка чужого сознания, объекта. «ТЫ» — отражение «Я», без которого последнее не существует»^{*10}.

Соотнесение «Я-ТЫ» на глубинном уровне снимает противопоставление:

«Я» обращаюсь к «ТЕБЕ», потому что нахожу в «ТЕБЕ» понимание и через контакт с «ТОБОЙ» выявляю свое «Я». Но вдвоем «МЫ» противопоставлены тем, кто выведен за рамки нашей коммуникации. Возникает проблема взаимоотношения этих пар. Они оказываются перед дилеммой: продолжать противостояние или искать возможности единения.

Примеров «Я-ТЫ»-слов в «Солнце мертвых» девять. Как и все в повествовании, эти фрагменты несут одно содержание — всепоглощающую гибель. Но «Я-ТЫ»-тексты обладают большим эмоциональным воздействием, чем другие средства описания гибели. Они непонятным образом делают более осязаемым описываемое, вовлекая в этот эмоциональный контакт, в эти «Я-ТЫ» отношения и читателя. Этот язык соединяет не только говорящего с тем, о ком он говорит, делая их переживания едиными для обоих. Эта форма повествования включает и читающего в качестве компонента «ТЫ» при уже свершившейся слиянности «Я-ТЫ» сюжетных. Образуется включенность троичная в одно со-переживающее единое целое.

«Понимаю твою обиду, старик... понимаю, что и ты мог заплакать... Калечный, кривобокий, просоленный морем, ты-таки/.../ увидал товарища Дерябу!/.../ Ты, чужак, товарищем называл его, душу ему открыл... рассказал, что у тебя семеро голодают, а ты — большой, без хлеба и без добычи. Надоед ты ему, старик...»^{*11}.

Лексема «понимать» маркирует идентичность или равнозначность ТЫ, проживающего в реальности то или иное состояние, и Я воспринимающего эти состояния ДРУГОГО. Восприятие происходит не в процессе прямого обмена: испытывавший боль и зло уже неделю лежит, «спокойный», в земле. Повествователь нашел в своем «Я»-«ТЫ» — слова и говорит о последних днях уже умершего Рыбака. В этом языке взаимодействие в чувстве, раскрытие ДРУГОГО в себе, себя в ДРУГОМ. Потенциальная бесконечность такого взаимочувствования — в многообразии открывающихся «ТЫ» и «Я». Здесь — не противостояние «Я» и ДРУГОГО. Здесь единство ДРУГОГО со мной, меня — с ДРУГИМ.

«Страдая или любопытствуя, мы говорим с сознаниями, из которых пытаемся сделать своих слушателей, читателей, учеников». Во фрагментах «Я-ТЫ»-слова чувство и память соединяют время и пространство тех, кто говорит; тех, о ком говорят и тех, для кого говорят.

В этой длящейся во времени и пространстве передаче то единство, которое осуществляется путем речи, которой человек обязан «своим выживанием и возрождением»^{*12}.

Чужое страдание, услышанное повествователем, через слово повествователя стало услышано читателем. Но в «Солнце мертвых» есть пример, когда слово повествователя было услышано как СВОЕ, одним из персонажей. Просьбу повествователя УСЛЫШАЛ старик-татарин. УСЛЫШАВ повествователя, татарин прислал ему табак. Повествователь УСЛЫШАЛ татарина. Ответ татарина возродил в душе повествователя утерянного им Бога. К христианину, говорившему о себе: «У меня нет теперь храма/.../ Бога у меня нет: синее небо пусто». Бог вернулся с приходом старика-мусульманина, и повествователь ответил на это молитвой радости и обретения Бога.

Глава, которая повествует об этом, названа «Жива душа!» И графика, и лексика, и синтаксис ликуют в этом названии. Это ликование тем более явственно среди названий других глав эпопеи: «На пустой дороге», «Круг адский», «Земля стонет», «Хлеб с кровью» и подобных.

«С неба вестник! /.../ Небо! Небо пришло из тьмы! Небо, о, Господи!...

Ушли слова. Они не нужны, слова. Дикарь, татарин! Велит Аллах! Жива человеческая душа! жива!»^{*13}

В контексте всеобщей гибели впервые звучат слова о живой душе человека. Понимание, горечь, сочувствие, сострадание сопровождали повествование при описании гибели, звучали в воспоминаниях о прошлом. Безмерность страдания пронизывала любое упоминание о согнанных, мучимых, убиваемых человеческих душах, жизнях. Но *о живой душе* сказано впервые.

«У тебя Аллах свой... у нас Аллах мой... Все - Аллах! /... /

Смотрит в огонь старый Абайдуллин, и я смотрю. Смотрим, двое-одно, на солнце. И с нами Бог»^{*14}.

Перед потерявшим веру повествователем в огне заготовленных с лета сучьев предстали видения, но это были не картины прошлого. В огне увиделось его измученной душе потрясшее его новизной и силой: другая человеческая душа, объединившаяся в вечном и едином Боге с его душой:

«Теперь ничего не страшно. Теперь *их* нет. Знаю я: с нами Бог! /.../ В дожде и в ночи пришел Ты с татаринном, по грязи... Пребудь с нами до солнца!»^{*15}.

Обретение веры и рожденное в отблесках огня новое чувство — **единство с другим** по вероисповеданию — было пережито повество-

вателем очень сильно. Полный этой новизной, он почувствовал необходимость выйти из дома под небо. В тексте эпопеи это желание сопровождается сочетанием СТЕНЫ ТЕСНЫ:

«Я никак не могу уснуть. Коснулся души Господь — и убогие стены тесны. Я хочу быть под небом, — не видно его за тучами. Ближе к Нему хочу... чую в ветре *Его* дыхание, во тьме — *Его* свет увидеть»*¹⁶

В одном из своих значений слово УБОГИЙ*¹⁷ в сочетании с графическим каламбуром СТЕНЫ ТЕСНЫ*¹⁸ может быть прочитан не в обозначении бытового явления бедности, скудости жилья, а в значении бедности, скудости, ограниченности душевной организации, представлений о жизни*¹⁹. Подобное прочтение поддерживается и на уровне синтаксиса: выражение «убогие стены тесны» — это часть бессоюзного сложноподчиненного предложения со значением следствия. Формальная организация предложения, его лексический состав, а также контекст позволяют выявить в нем следующие смыслы: знак, данный высшими силами, позволил почувствовать узость прежних представлений, необходимость выйти за их рамки, разрушить стены, отделяющие от других, ранее чуждых убеждений; этот знак заставил смотреть на ДРУГОГО, воспринимать его как СЕБЯ / «смотрим, двое-одно, на солнце/, увидеть в иноверце равного СЕБЕ, единого С СОБОЙ.

Христианин обретает утерянного прежде Бога и испытывает присутствие Бога с приходом мусульманина. Поступок татарина вернул веру в Бога, тогда как уничтожили эту веру предполагаемые единоверцы-русские, ставшие в те годы теми, «что убивать ходят».

Выявленная в тексте эпопеи семантика местоименных оппозиций, в центре которой — осознание своего Я через сопереживание с ДРУГИМ, дает основание предполагать, что нащупываемый повествователем способ преодолеть разрушительное воздействие внешнего мира — единство. Глобальное единство каждого человека друг с другом. Единство, достигаемое пониманием, а понимание, достигаемое через ощущение ДРУГОГО как себя самого.

Примечания

*¹ Язык и наука конца 20 века. М. 1995. С. 32.

*² Ильин И. А. О тьме и просветлении. М. Скифы. 1991.

*³ Бубер М. Я и ТЫ. М. Высшая школа. 1993. С. 21.

*⁴ Бенвенист Э. Общая лингвистика. М. Прогресс. 1974. С. 264.

*⁵ Франкфорт Г. Ф., Франкфорт Г. А., Уилсен Дж., Якобсен Т. В преддверии философии. М. Наука. 1984. С. 24-29.

*⁶ Кулакова Л. А. Символика античных мистерий // Символы в культуре. СПб. 1992. С. 17.

*⁷ Солнце мертвых, С. 57–58.

*⁸ Бубер М. Там же. С. 18.

*⁹ Булгаков С. Н. Философия имени. УМКА-PRESS, Paris. 1953. С. 52.

*¹⁰ Грановская Л. М. Русский язык в «рассеянии». М. 1995. С. 32.

*¹¹ Солнце мертвых. С. 130

*¹² Розеншток-Хюсси О. Речь и действительность. М. Лабиринт. 1994. С. 11, 27.

*¹³ Солнце мертвых. С. 152–153

*¹⁴ Солнце мертвых. С. 153. Выделено нами.

*¹⁵ Солнце мертвых. С. 154.

*¹⁶ Солнце мертвых. С. 154. Подчеркнуто нами.

*¹⁷ Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: В 2-х тт. М. Русский язык. 1993. 2-й т. С. 280.

*¹⁸ Люксембург А. М., Рахимкулова Г. Ф. Магистр игры Вивиан Ван Бок. Ростов-на-Дону. 1996. С. 58.

*¹⁹ Ожегов С. И. Словарь русского языка. М. Русский язык. 1985. С. 712.